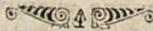

152
Дешевая библиотечка для семьи и школы.

Вас. И. Немировичъ-Данченко.

За свободу родины.

Цена 18 коп.

МОСКВА,

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Путинковскій пер., соб. домъ
1917 г.

НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, Вас. Ив. На краю свѣта. Другъ за друга. Повѣсть для дѣтей изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Въ трехъ частяхъ. Съ рисунками. 8-е изданіе. Цѣна **85** коп.

О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библ. низш. учебн. завед. и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— **Гаврюшкинъ плѣнъ.** Повѣсть. Съ рис. Изданіе 14-е Ц. **75** к.

О. О. У. К. М. Н. П. книга **допущена** въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ библиотеки, младшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни. Гл. Упр. В. У. З. **одобрена** для ротн. библ. кад. кор.

— **О чемъ рассказывалъ вѣтеръ.** Очерки и рассказы. Изданіе 6-е. Ц. **60** к.

У. К. М. Н. П. книга **одобренъ** для ученич. библ. низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго и средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебн. заведеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ (Ж. М. Н. Пр. № 12, 1900 г.). Гл. Упр. В.-Уч. зав. **рекомендована** для приобрѣтенія въ библ. кадетск. корпус. для чтенія кадетамъ I II, III, IV, V классовъ

— **По волѣ Божьей.** 4-е изданіе. Ц. **75** к.

У. К. М. Н. П. **одобрена** для ученическ., младш. возраста, библиот. среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, а также **допущена** въ бесплатныя народныя читальни.

— **За Дунаемъ.** Война съ турками за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Очерки и рассказы для дѣтей. Выпускъ 1. Изданіе 12-е. Ц. **60** к.

О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученическія библиотеки низш. училищъ.

— **За Дунаемъ. Вторая книжка военныхъ очерковъ и рассказовъ для школъ и народа.** Изданіе 9-е. Ц. **60** к.

О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученическія библиотеки низш. училищъ.

— **Повѣсть о пожеженіяхъ майора Бобьева.** Ц. **35** к. **Допущена** въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— **Что пѣли струны.** Рассказъ. Ц. **30** к.

— **Вѣрочка дома.** Повѣсть. Ц. **40** к.

Д пущена въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— **Поднебесный аулъ.** Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. Съ рис. художн. **К. Чичагова.** 7-е изданіе. Ц. **75** к.

О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ завед. и въ бесплатн. народ. библ. и читальни.

152
Дешевая библиотека для семьи и школы.

Вас. И. Немировичъ-Данченко.

За свободу родины.

2-е издание редакціи журнала „ЮНАЯ РОССИЯ“.

Москва Б. Молчановка, д. № 18.

О. О. У. К. М. Нар. Просвѣщ. допущена въ учебнич. библиотеки
низшихъ училищъ. (Отн. № 23604 отъ 12 мая 1916 г.).

МОСКВА

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Путинковскій пер., соб. домъ
1917 г.

5955-0

2007115063

За свободу родины.

I.

На крутой вершинѣ черное гнѣздо причудливыхъ скалъ. Громоздятся однѣ на другія, будто торопятся въ облака, туда, гдѣ рождаются громы, откуда падаютъ въ тихія долины и въ синее волнующееся море огненные стрѣлы молній. На самомъ тычкѣ, точно на ладони,—приподнята къ небу старая угрюмая башня... Цѣлые вѣка одиноко зябнетъ. Къ ней и плющу не доползти, чтобы одѣть ея дряхлое, расщелившееся тѣло пышною мантией листьевъ, заткавшихъ гибкія сѣти цѣпкихъ извилистыхъ вѣтвей. Пониже, гдѣ камень чуть раздвинулся,—въ трещинахъ, на выступахъ, по ступенямъ утесовъ,—къ нему прилѣпились сѣрыя мазанки. По утрамъ и по вечерамъ, когда топятъ печурки, кажется, что изъ безчисленныхъ морщинъ вершина горы курится надъ мирнымъ краемъ. Внизу скалы зовутся проклятыми.

Во времена оны, когда материки только складывались, выходя изъ огненныхъ пучинъ, а морей не видно

было, потому что они кипѣли и застигались густымъ паромъ, злые духи (по народному преданію) какъ-то подрались съ ангелами. Предпріятіе было довольно нелѣпое! Вѣдь духи свѣта обладали болѣе усовершенствованнымъ оружіемъ. У нихъ въ распоряженіи оказывались мечи изъ молній, а дьяволъ въ ту пору былъ глупъ и дрался кулачищами.

Крылатымъ небожителямъ надоѣла эта тревога. Они привыкли къ голубому простору и тишинѣ, а тутъ съ рождающейся планеты лѣзетъ на нихъ всякая нечисть. Изъ безчисленныхъ жерлъ выбрасываютъ ее, грохоча адскимъ смѣхомъ, вулканы, и темные духи вмѣсто того, чтобы, шипя и окутываясь дымомъ, падать въ горячій паръ морей и океановъ, раскинули свои перепончатая крылья и, какъ мухи на свѣтъ, лѣзутъ въ безгрѣшную лазурь непрошенными гостями! Ангелы, наконецъ, окружили ихъ кольцомъ. Цѣлыми снопами направили въ ихъ опаленныя морды огненные мечи. Вождь свѣтоносныхъ дружинъ сказалъ тайное слово. Прокатилось оно надъ кипящимъ въ творческихъ судорогахъ міромъ такимъ громомъ, какого еще не слышала земля. Черти отъ этого тайнаго слова скучились, свернулись въ вихрь и, обращенные на вѣки вѣчные въ каменя, попадали на землю... Отъ солнца, сырости и вѣтра растрескались и расщелились, отъ дождей покрылись бороздами, осыпались.

Теперь никто въ этихъ камняхъ не узнаетъ воинственныхъ титановъ, родившихся въ кипящей жидкимъ

металломъ утробѣ матери-земли... Дошли до такого униженія, что какія-то двуногія мокрицы напоззли сюда, уходя отъ другихъ такихъ же мокриць, налѣпили къ корявому тѣлу сраженныхъ богатырей комки грязи и щебня и въ этихъ тѣсныхъ норахъ поселились, не спрашиваясь. Бѣдные окаменѣвшіе духи еще мирились съ орлами. Тѣ летаютъ, какъ летали когда-то духи подземнаго огня и тьмы, и клекотъ ихъ похожъ на адскій языкъ, а двуногія мокрицы только ползаютъ и вездѣ, гдѣ осядутъ, заводятъ свару и грязь.

Такимъ образомъ, внизу скалы слыли проклятыми, а тѣ, кто поселился на нихъ, окрестили это каменное гнѣздо „святымъ“. Еще бы! споконъ вѣку, какъ люди стали себя помнить и бороться за свободу и право, ни разу нога притѣснителя и завоевателя не попирала эти расщелившіяся ступени. Въ башнѣ, наверху, жилъ не рыцарь. Ее построили горные мужики на всякій случай. Сунься закованный въ желѣзо хищникъ снизу, они живо собьютъ камнями и стрѣлами оттуда страховыя перья его шелома, а съ шеломомъ и прикрытую имъ глупую голову. Потомъ, когда разбогатѣли горедскіе мѣщане, горные мужики не пустили къ себѣ и купца снизу. „И безъ тебя-де проживемъ“. Правда, явился патерьъ, построилъ часовню и школу, но и онъ ушелъ скоро. Ужъ очень голодно было вверху! Ему на смѣну пришелъ худой монахъ съ горящими внутреннимъ огнемъ глазами. Этого проголодью нельзя было удивить. Онъ питался ни „единымъ хлѣбомъ“... Такъ

и жила горная деревня, не зная господина надъ собою. Сверху ей было видно, какъ у моря растутъ плоскокровельные города, а надъ ними, точно райскіе сны, въ мраморныхъ кружевахъ, тонкихъ башняхъ, золоченыхъ куполахъ поднимаются храмы. Бѣлыми ступенями сползаютъ въ самую синь неугомонныхъ волнъ дворцы съ какими-то статуями въ нишахъ и на углахъ... Горные мужики слѣдили съ своихъ вершинъ за безчисленными кораблями, отплывавшими, распустивъ бѣлыя крылья, въ лазурную даль. На палубахъ этихъ кораблей были воины. Они завоевывали далеко-далеко города, захватывали цѣлыя царства, питавшія живыми соками невидимаго вампира, а потомъ и на вампира пришла нежданная бѣда. Ему довелось узнать желѣзную руку нежданнаго хищника... Кругомъ топтали благословенную землю Италіи варвары, германцы, французы, а на горную деревню никто не льстился. Никому не нужна была эта кучка утесовъ и грязи,—холодная, голодная, недоступная. Даже австрійцы, все прибравшіе къ рукамъ здѣсь, до сихъ поръ о ней не думали. Когда горнымъ мужикамъ становилось ужъ очень плохо, и они сползали въ городъ на работу, тамъ уже, къ ихъ удивленію, распоряжался бѣлобрысый швабъ...

Горные мужики прозвали свое гнѣздо „святымъ“. Еще бы! его не попирала нога хищника. Завоеватель не налеталъ сюда коршуномъ рвать на скалахъ легкую добычу. Горный мужикъ не работалъ на господина... Онъ былъ всегда свободенъ. Суевѣрный, безграмотный,

бѣдный, онъ пѣлъ такія пѣсни, которыя внизу въ измученныхъ душахъ будили надежду и бодрость. Онъ, какъ горный вѣтеръ его скалъ, спускаясь, колыхали застоявшуюся жару и вѣяли въ лица всеоживляющею прохладой... Горные мужики радостно встрѣчали народныхъ вождей и бойцовъ, когда тѣ, разбитые торжествующимъ врагомъ и насильникомъ, бѣжали въ ихъ каменное гнѣздо. Въ такія минуты люди въ лачугахъ, прилѣпившихся къ „проклятымъ скаламъ“, чувствовали свое родство съ остальною Италіей. Ихъ нельзя было купить богатствомъ, но они сами шли навстрѣчу благородному горю...

II.

Народъ былъ свободенъ, но безграмотенъ и грубъ. Вѣрилъ въ ворожбу и колдуній, въ дурной глазъ, въ порчу. Во всякой чертовщинѣ разбирался лучше, чѣмъ въ букварѣ. Въ грохотѣ бури ему чудились голоса демоновъ, въ таинственныхъ голосахъ ночи—вопли и стоны не покаявшихся въ свое время душъ. Въ глубокихъ безднахъ зажигались огни надъ мѣстами, гдѣ когда-либо были убиты безвѣстные странники. Въ неожиданномъ стукѣ неплотно затворившихся ставень слышалась загадочная рука, за которою вовсе не было

никакого тѣла. Если сверху катился камень—это, несомнѣнно, злой духъ подстерегъ какого-нибудь одинокого путника. Совсѣмъ непонятно, какъ они могли спокойно жить, окруженные всѣмъ этимъ воображаемымъ адомъ. Вѣдь явь здѣсь такъ переплелась съ сказкой, что никому и невдомекъ было, гдѣ кончалась одна и начиналась другая. Ну, австрійскимъ войскамъ, положимъ, еще помогаль чортъ, это туда-сюда. Вѣдь и фельдмаршалъ Радецкій былъ самъ Люциферъ въ швабскомъ генеральскомъ мундирѣ, но какъ съ дьяволомъ спознались папскіе солдаты, горные мужики объяснить никакъ не могли, хоть и вѣрили этому свято. Многіе изъ нихъ ходили драться съ австрійцами, но всякій разъ накрестъ надрѣзывали пулю. Свинець былъ дорогъ, и даромъ тратить было жалко. Въ австрійской пушкѣ, несомнѣнно, сидѣлъ бѣсъ и плевался картечью. Онъ же, оставляя въ небѣ огнистый слѣдъ, взлеталъ надъ горами яркой ракетой,—высмотрѣть, гдѣ прячутся итальянцы. Самый языкъ, какимъ говорили они, напоминалъ горнымъ мужикамъ шипѣніе змѣи, когда грубой, кованый желѣзомъ сапогъ наступить ей на хвостъ. Короче, съ этой стороны сомнѣній не было.

Да и у себя дома завелась такая вѣдьма, старуха Пеппина, что отъ нея житья не стало. Прежде, какихъ-нибудь лѣтъ двадцать назадъ, заперли бы ее въ ея сложенной изъ щебня мазанкѣ, обложили хворостомъ и сожгли. Ну, а теперь злая старъ хоть немного да

отодвинулась. Люди терпѣли долго. Пеппина, пожалуй, и нужна была. Она знала дѣйствіе горныхъ травъ и хорошо лѣчила лихорадку, умѣла остановить кровь:— пожуеъ, пожуеъ что-то, приложить, и рана перестаетъ сочиться. Унимала боль отъ ушибовъ, вправляла вывихнутыя кости. Да вѣдь ради этого нельзя же было терпѣть, чтобы у ея сосѣдей скотъ валился ни съ того, ни съ сего, а хозяевъ во снѣ душилъ кошмаръ. Что съ того, что у нея бѣлая Мадонна изъ гипсу въ углу стояла. Для отвода глазъ, Пеппина и въ церковь ходитъ, и молится тамъ. Только кому? Вонъ прозорливецъ—падре Иппоченціо рассказывалъ, что дьяволу, ему и въ церкви запрету нѣтъ. Онъ и по алтарю, мерзавецъ, шляется. Только подумаемъ о немъ, а онъ тутъ, какъ тутъ: „здравствуй“. Разъ падре Иппоченціо поймалъ его, закрутилъ ему хвостъ, да давай его мордой въ стѣнку: „что тебѣ мѣста нѣтъ, чего ты, негодяй, по святымъ мѣстамъ шатаешься, ишь тоже паломникъ выискался!“ А чортъ ему резонно: „ты бы не думалъ обо мнѣ, и я бы не пришелъ сюда. Намъ такъ указано: гдѣ грѣхъ, тамъ и мы. Мы тоже свою службу исполняемъ. Не зря по міру слоняемся. И намъ свои законы писаны. И въ этомъ намъ ни отъ кого запрета нѣтъ. Вамъ-то легко все на чорта валить, а вы его поменьше поминайте, онъ и самъ дорогу къ вамъ забудетъ. Не очень ужъ большое лакомство съ вами, мужиками, возиться“.

III.

— Джакомо... Эй... Джакомо...

Старуха, опираясь на костыль, вышла изъ своей мазанки... Улица была пуста. Двери такихъ же жалкихъ логовищъ, какъ и ея, плотно затворены. Ставни тоже. Только сверху, съ площадки, у старой церкви, доносится гуль... Пеппина прислушалась. Не тамъ ли ея внукъ? Онъ вѣдь вездѣ суется не въ свое дѣло. Хворосту изъ лѣсу не наносилъ. Завтра не на чемъ будетъ похлебку сварить. Весь въ отца, тотъ вѣдь тоже на чужомъ дѣлѣ голову свернулъ. Вступился за кого-то,—и вмѣсто того самъ получилъ ножъ въ спину между лопатокъ. Старуха заперлась съ тѣхъ поръ. Сначала плакала о сынѣ, а потомъ и слезы всѣ высохли. Сердце, словно сожженную солнцемъ ниву, занесло песками. Сноха недолго пережила мужа, одинъ Джакомо остался, только не на радость растеть. Слишкомъ смѣлъ. Гдѣ бы посторониться, авось бѣду мимо пронесеть, а онъ на рожонъ лѣзеть, точно его дѣтскія руки совладають съ нимъ.

— Джакомо... Э... Джакомо...

Гуль растеть все ближе и ближе. Будто лавина сползаетъ сюда... Куда это народъ? Джакомо непременно тамъ, въ толпѣ. Поди, еще разодрался съ кѣмъ! У нихъ вѣдь между словомъ и дѣломъ никакого промежутка. Такъ и есть,—вонъ онъ,—точно вынырнулъ

изъ-за угла и со всѣхъ ногъ летить къ ней безъ шапки. Только кудри вѣтеръ во всѣ стороны треплетъ. Издали кричить что-то... По пути камни подымаетъ... Остановился, швырнулъ куда-то за крыши и кулакомъ грознется туда.

— Джакомо, разбойникъ, горе ты мое!

— Не я разбойникъ, а они.

Задыхается, толкомъ ничего сказать не можетъ. Грудь ходуномъ ходитъ, смуглая, солнцемъ спаленная. Точно старая бронза, въ прорѣху видна.

— Они... тамъ...

— Выпей воды, очнися...

— Некогда... сейчасъ, всѣ сюда...

— Зачѣмъ?..

— Насъ выгоняютъ изъ села... Вонъ изъ дому... Я одному камнемъ лобъ расшибъ за это... Говорятъ, ты вѣдьма... Отъ тебя у Беппо осель околѣлъ, а у Маріи теленка волки забрали... Ты и волковъ послала... Вонъ, вонъ они...

Въ глубинѣ улицы за клубилась черная масса. Мохнатая шапки... Надъ шапками, грозно колышутся палки. Съ дубьемъ идутъ!.. Мальчикъ не испугался. Глаза у него разгорѣлись, какъ у копчика. Выскочилъ на середину, подался впередъ... Выхватилъ изъ-за пазухи пращу, сунулъ въ нее камень, размахнулся. Свистъ въ воздухъ, кто-то пронзительно крикнулъ оттуда...

— Разъ!..

Новый камень... Праща описала еще одинъ кругъ...

Опять свистнуло... Второй крикъ гнѣва и боли...

— Два... Ну, кому еще съ разбитой головой ходить?

Джакомо бросился впередъ навстрѣчу толпѣ. Едва-едва старуха успѣла схватить его за плечи и толкнуть въ черный зѣвъ жилья. Не успѣла она притворить за нимъ дверей,—какъ внукъ ея ужъ изнутри вскарабкался на крышу и, выставивъ ногу впередъ, ждалъ на краю ея: подойдите-ка! У меня на васъ и еще припасены гостинцы.

— Э... Пеппина,—орала толпа...

Старуха, опираясь обѣими руками на костыль, ждала.

— Лучше сдавайтесь. Мы вамъ зла рѣшили не дѣлать. Уходите отсюда подобру-поздорову, и вся недолга.

— Зачѣмъ? Я здѣсь родилась... Это мой очагъ.

— Да. Но такъ будетъ лучше. И намъ спокойнѣе, и тебѣ безопаснѣе. Народъ не всегда хорошо настроенъ. Двадцать лѣтъ назадъ, такую же живьемъ сожгли.

— Какую, такую же?

— Вѣдьму... Колдунью...

Хотѣлъ еще что-то крикнуть и не успѣлъ. Новый камень со свистомъ пронесся съ кровли жалкой лачуги, и съ голаго плеча сунувшагося было впередъ парня, точно алая змѣйка, потекла кровь... Толпа зарычала... Старуха грозно подняла костыль... Передніе попятились.

— Стыдно вамъ... Развѣ я не даромъ лѣчила васъ? Джузеппе, кто у тебя жену выходилъ? Маріо, развѣ я не просиживала дни и ночи надъ твоей дочерью, пока она не встала здоровая? Аделина, къ кому ты прибѣжала, когда твоего сына волкъ напугалъ? Пе-

редь кѣмъ ты на колѣняхъ стояла? Вспомни... Какая я колдунья, когда я и днемъ и вечеромъ молюся Мадоннѣ. Кто первая приходитъ въ церковь? Чей мальчикъ находилъ для алтаря цвѣты лучше моего Джакомо? Развѣ не онъ вытащилъ изъ пожарища ребенка у старшины Мирабелли?..

— Да... Это все такъ... Тебѣ помогаетъ та сила, которой ты служишь. А только мы рѣшили... ты знаешь, нельзя тебѣ одной идти противъ всѣхъ... Эй, Джакомо, брось пращу, не то я тебя пристрѣлю, какъ бѣшеную собаку... Останови его, Пеппина... Такъ-то лучше!.. Повторяю, что ты можешь одна противъ всѣхъ? Сквозь щель твоего ставня любое дуло уложить тебя. А за угломъ, сама не узнаешь, кто въ тебя швырнулъ ножъ... Уходи и оставь насъ... Твой внукъ привыкъ вонъ на краю того утеса, свернувшись, какъ гадюка, спать. Угадай, кто его толкнулъ ногой? Да и угадаешь, не спасешь. Вѣдь отъ него на днѣ пропасти только кости въ мѣшкѣ останутся... А то и мѣшокъ по всѣмъ швамъ расползется!

— Мы не хотимъ тебя обижать... Твоя лачуга и земля около двадцати скуди не стоитъ. Получай ихъ и стройся въ лѣсу. Оттуда и къ городу ближе. Джакомо будетъ возить туда хворостъ и дрова... Только насъ оставь. Свѣтъ великъ, есть гдѣ разойтись въ немъ. Черезъ годъ приѣдетъ сюда викарій, онъ разберетъ наше дѣло. Если ты выдержишь его заклинанія, значить, не ты у насъ вѣдьма, другую поищемъ.

Захочешь тогда, вернись... А намъ тоже безъ скота оставаться...

— Не вернуся я къ вамъ... Прокляла бы я васъ, да ужъ очень глупы вы. Не возьму этого грѣха себѣ на душу. Мы съ Джакомо нѣ умремъ съ голоду, но и вы смотрите, я васъ не знаю и помогать вамъ больше не буду. Нашъ родъ здѣсь—старый родъ. Мои дѣды испоконъ вѣку рождались и умирали въ этой лачугѣ... И лежать они подъ камнями у церкви. Мнѣ тоже осталось недолго ждать... Думала умереть между своими... Значить, Богъ не хочетъ этого. Джакомо и безъ васъ вырастетъ, получше вашихъ дѣтей будетъ. Онъ и теперь въ двѣнадцать лѣтъ за взрослога сойдетъ...

— Бабушка, я самъ тебѣ такую хижину въ лѣсу выстрою... Ивовыми вѣтвями крышу покрою. А очагъ намъ Симоне изъ города сложить. Я ему птицъ носилъ. Онъ радъ будетъ помочь намъ. Только и вы смотрите. Въ лѣсу камня много. А праца у меня надежная. Чуть кого встрѣчу, пеняй на себя. Не мы вамъ, а вы намъ войну объявили. Суньтесь только внизъ, я васъ хуже швабовъ встрѣчу... Эй, Луиджи, мои шары у тебя, принеси ихъ сейчасъ. Пепе, за тобой три байока... Смотри, не забудь... А то я изъ лѣсу ночью змѣй принесу и тебѣ во дворъ спущу. Ты вѣдь трусь, ужа боишься, точно воробей коршуна...

IV.

Въ лѣсу тихо. Сквозь его вѣчную зелень и зиму и лѣто въ благодатномъ краѣ свѣтитъ солнце. Золотые зайчики его лучей бѣгають по стволамъ старыхъ каштановъ и маслинъ, скрученнымъ такъ, точно они одеревянѣли въ минуту самой страшной судороги. Краснымъ полымемъ вспыхивають цвѣты, и нѣжная трава будто изумруднымъ блескомъ заливаешь прогалины. На полянѣ выросла мазанка. Въ мазанкѣ зажили Джакомо со старухой. Она цѣлые дни собирала лѣкарственныя растенія. По субботамъ внукъ ея уходилъ въ городъ продавать ихъ, а бабка, сидя у окна, все о чемъ-то думала, думала. Нѣтъ такого дряхлаго сердца, въ которомъ не сохранился уголокъ, которому всего на всего двадцать лѣтъ отъ роду. Онъ сказывается въ мечтѣ безсонной ночи, въ неуловимой грезѣ одиночества и отдыха. Съ понедѣльника Джакомо съ ружьемъ бѣгаль по горамъ. Сколько онъ дичи набилъ за это время! Маленькихъ птицъ не трогаль, на перепеловъ сѣтей не ставилъ, когда эта пичуга летить сплошными стаями невысоко надъ землей. Онъ птичку любилъ. Ляжетъ въ траву и слушаетъ, бывало, какъ она перекликается. Зато звѣрю, мало-мальски покрупнѣй, пощады отъ него не было. Джакомо и себя, и бабуку одѣлъ заячьими мѣхами; не одну лису продалъ внизу и на вырученныя деньги купилъ себѣ новое ружье. Волковъ тоже не

мало нахлопаль, да такъ, что они перестали совать сюда свой длинный и чуткій, какъ у собаки, носъ. На тринадцатомъ году онъ самъ себя кормилъ и, захоти старуха палець о палець не ударить, ей бы не даль умереть съ голода. Порою его тоска брала по товарищамъ, оставленнымъ вверху, въ горномъ гнѣздѣ. Онъ забирался туда поближе на одну изъ скалъ, и съ нея смотрѣлъ, — какъ по улицѣ, похожей на ложе высохшаго потока, медленно спускается народъ изъ церкви; какъ на крыши выходятъ женщины вѣшать бѣлье, и оно вѣтромъ треплется во всѣ стороны; какъ на площадкѣ, у старой башни, дѣти, такія же, какъ и онъ, играютъ въ шары. Этими каменными шарами никто лучше его не умѣлъ орудовать, и онъ только злился издали, видя, какъ неуклюжій болванъ Джіованни пропуская самые вѣрные удары. Такъ случалось ему засиживаться, пока солнце на краю моря, лазурнаго и спокойнаго, не начинало спускаться въ розовый океанъ нѣжнаго ровнаго свѣта... Въ сини угомонившихся водъ стлались золотистыя отраженія какого-то иного міра, густѣли, краснѣли, фіолетовымъ бархатомъ покрывали стихію и, когда солнце уставало и спокойно погружалось за черту, гдѣ, какъ говорятъ старые люди, ничего нѣтъ, кромѣ довременной бездны, старая башня и черныя мазанки оставленнаго горнаго села разгорались, точно сложились онѣ не изъ камней, а изъ раскалившагося угля... И они гасли. Сизая ночь подступала съ востока, гдѣ на вершинахъ далекихъ-далекихъ горъ

еще мерещились прощальные огни умершаго дня. Джакомо тянуло къ людямъ. И ненавидѣлъ онъ ихъ,—еще бы! выгнали его съ бабкой, отъ которой, кромѣ добра, они ничего не видѣли,—и любилъ по-своему. Вѣдь онъ выросъ среди этихъ лачугъ, сложенныхъ изъ щебня, молился въ ветхой церкви, на стѣнахъ которой выцвѣтшіе святые сейчасъ точно грозятся въ окружающій ихъ мракъ!.. Случалось, Джакомо не осилить себя. Онъ спускался со скалы, тихо шелъ туда... Горная деревня спала. Шаги его слышны не были... Какъ кошка крался вдоль стѣнъ. Слушалъ кое-гдѣ замирающій говоръ. Сквозь щели ставень отражался изрѣдка свѣтъ. Съ бьющимся сердцемъ мальчикъ всматривался туда... Собаки лаяли ему навстрѣчу, но, узнавъ своего, ласкались къ нему, завивая хвосты. Онъ чуть не плакалъ, запуская цѣпкіе пальцы въ ихъ кудлатую шерсть. Разъ одинъ такой песъ, его любимецъ, ушелъ за нимъ въ лѣсъ и не возвращался больше. Хозяинъ попробовалъ было пойти за нимъ. И его любилъ когда-то Джакомо, года на три тотъ былъ старше мальчика, но тутъ злоба вспыхнула въ маленькомъ изгнанникѣ. Пріятель дружелюбно кивалъ ему издали, но Джакомо поднялъ дуло ружья по направленію къ нему.

— Уходи прочь!.. Вы тамъ,—мы здѣсь... Сами вы отгородились...

— Моя собака забѣжала сюда.

— Позови ее... Можетъ быть, она и поидетъ за тобой. Тотъ кликалъ лохматаго бѣглеца, но псу въ лѣсу

нравилось больше. Еще бы! сколько онъ однѣхъ за-
ячьихъ костей сглодалъ. Этакого праздника на верху
не дождешься, а здѣсь онъ за будни сходитъ. Дуракъ
онъ, что-ли, отъ такого приволья уйти. И, заложивъ
уши назадъ, онъ довольно подло вилялъ хвостомъ, а
на зовъ не шелъ. Ваша-де воля, а только здѣсь мнѣ
лучше, и прощайте, не поминайте лихомъ...

— Я противъ тебя ничего не имѣю,—пробовалъ
пріятель изъ села вступить съ Джакомо въ мирные
переговоры.

Но тотъ бросилъ ружье,—не убивать же въ самомъ
дѣлѣ человѣка,—и выхватилъ пращъ. Съ этимъ ору-
жіемъ его хорошо была знакома деревня, и непрошен-
ный гость со всѣхъ ногъ кинулся назадъ опроретью.
Спущенный камень летѣлъ у самыхъ ушей его. Джа-
комо только пугалъ, чтобы неповадно было впередъ, и
когда отъ прежняго товарища и слѣдъ простылъ, маль-
чикъ уходилъ подальше и плакалъ. Собака поджимала
заднія лапы, свѣшивала голову, задумывалась, поста-
вивъ одно ухо фертромъ... Что это-де съ нимъ?

— Ну, чего ты!—осторожно и почтительно гавкала
она... Ну, чего ты? Кажется, зайцевъ въ лѣсу сколько
угодно... И въ каждомъ зайцѣ, ахъ, какъ много костей!
Что ни кость, то спасибо! А ты плачешь... Возьми ружье
да бацни по длинноухому. И тебѣ хорошо, и мнѣ уми-
рать не надо!

V.

Джакомо на двадцать верстъ кругомъ все узналъ, какъ собственную лачугу. Не было такого дерева, на которое бы онъ не влѣзъ, рва, съ которымъ бы не побратался. Прогалины, горные ручьи, камни, Богъ вѣсть зачѣмъ выросшіе тамъ, гдѣ имъ вовсе не указано быть, осыпанные лиловымъ и золотистымъ цвѣтомъ кусты, звѣриныя тропки, извилины горныхъ дорогъ, спуски и обрывы,—все это сдѣлалось для него своимъ, близкимъ.

Еще бы не узнать рвовъ, откосовъ и отвѣсовъ, коли онъ, вмѣсто длинныхъ огибавшихъ ихъ путей, отчаянно царапался по нимъ, вися на сухихъ корняхъ и вѣткахъ надъ такими безднами, что голова кружилась сверху взглянуть туда. Виситъ и смотритъ внизъ на вершины большихъ деревьевъ, кажущихся зелеными клубками, на плоскія кровли города, едва-едва замѣтныя, точно крохотная ступенька... Держится за ломкую вѣтвь, а другою рукой ищетъ скважины въ камнѣ пониже. Найдеть, вцѣпится въ нее, упрется ступней въ неровность утеса и весь на вѣсу, еще ореть веселую пѣсню. Муха мухой. Разъ увидѣла его тамъ старуха-бабка и со всѣхъ ногъ о земь грохнулась, а онъ только хохочетъ и яще-рицей взбирается къ ней на помощь.

Любимое мѣсто его было—Чертовъ камень. Еще въ горной деревнѣ Джакомо слышалъ рассказъ о немъ.

На этомъ мѣстѣ подрались два демона, а дерутся они такъ, какъ козлы рогами, только трескъ идетъ кругомъ. Надоѣло это ангелу, стоявшему вверху, онъ хлопъ по нимъ молніей. Такъ она обоихъ и уложила на мѣстѣ. Только сѣрой запахло кругомъ, да хвосты змѣями расползлись во всѣ стороны... А въ тѣ басенныя времена у чертей былъ тоже обычай ставить надъ своими памятники. Взяли они торчащую остреемъ скалу, перекувыркнули ее вверхъ ногами да макушкой на это мѣсто и поставили. Кто же, кромѣ нихъ, ухитрился бы выкинуть такую штуку? Стоитъ на носкѣ утесъ, точно плясунья. И не шелохнется. Впрочемъ, что касается до этого, то народъ увѣрялъ, будто въ сильный вѣтеръ Чертовъ камень покачивается, только никакъ упасть не можетъ. Снизу изъ города пышно одѣтые господа и дамы въ шелку пріѣзжали смотрѣть на него, а какой-то длинноволосый малый даже рисовалъ Джакомо подъ этимъ удивительнымъ утесомъ и, нарисовавъ, подарилъ мальчику золотую монету. Снизу, издали, скала и совсѣмъ казалась чудомъ. Точно въ воздухѣ висить, широкимъ концомъ вверхъ. Въ утренніе туманы мерещилось, что между землей и ею можно провести ладонью... Вверху поднялась зелень. Въ трещины вѣтромъ нанесло сѣмена, сѣмена пустили ростки въ щели старого камня, дожди полили ихъ вдоволь, они и выкинули вверхъ тоненькіе стебли. Стебли обвѣтвились, облиствѣли... Въ корявые стволы обернулись... Очень ихъ птица полюбила, потому что до нея никакъ туда

не добратся вражей силѣ. Ни пулей, ни пращемъ не возьмешь. Плодись и радуйся. Съ утеса птица веселой пѣсней встрѣчала солнце.

Далеко внизу, подъ утесомъ, шла дорога...

Проѣзжавшихъ часто оторопь брала. А вдругъ, какъ эта дылда да вверхъ тормашками рухнетъ? Что тогда останется отъ коня и всадника его? И, крестясь, горожане торопились миновать это мѣсто. Когда солнце было по ту сторону, все кругомъ сверкало и лучилось въ его свѣтѣ, только утесъ далеко кидалъ свою синюю тѣнь... Въ этой тѣни и спать бывало Джакомо. Набѣгается, устать не устанетъ, а все-таки вытянуть ноги пріятно,—и сами собой слипаются черные плающіе глаза, и вѣтерокъ, точно невидимыми перстами, чуть-чуть ласкаетъ выющіяся кудри.

— Чего еще лучше!—ворчитъ песь, свертываясь колачиномъ... Чѣмъ по жарѣ бѣгать. Тебѣ ничего, а мнѣ солнце носъ обожгло... А вѣдь я носомъ существую, хорошей собакѣ носъ пуще глаза нуженъ... Я имъ живье оттуда чувствую, куда и глазу не взять...

За послѣднее время Джакомо замѣтилъ: съ утесомъ творится что-то неладное.

Недѣли двѣ стояли сплошные дожди. Джакомо все это время сидѣлъ въ своей лачугѣ. Лѣсъ плакалъ каждымъ листомъ, каждою вѣткою... Трава вся еъ слезахъ стояла. Цвѣты осыпались отъ холодныхъ струй, падавшихъ съ верху. По рывинамъ и тропкамъ неслись совсѣмъ сумасшедшіе потоки. Въ каждой мор-

щинѣ пучилась и бурлила вода, подрываясь подѣ корни, обмывая камни. Были лѣсные великаны, что цѣлые вѣка выдерживали, а тутѣ въ первый солнечный день выбѣжалѣ Джакомо и не узналѣ ихѣ. Привалились на сосѣдей и торчатѣ, точно какою-то чудовищною силою, вывернутыми вверхѣ корнями... А внизу, тамѣ, гдѣ они прочно сидѣли въ крѣпкой землѣ, воронки, и въ воронкахѣ стоитѣ черная грязь... Кинулся Джакомо къ утесу, неужели и онѣ покачнулся? Въ самомѣ дѣлѣ и тутѣ не благополучно: точно впередѣ надѣ своимѣ отвѣсомѣ поддался. Забѣжалѣ мальчикѣ на дорогу, далеко подѣ этою „Чертовою скалою“, дѣйствительно, наклонилась она, будто его съ своей высоты разсматриваетѣ... Поползѣ къ ней опять,—что морщинѣ и бороздѣ надѣлали горные потоки вокругѣ острѣя, на которомѣ сидитѣ она! Вѣрно, вода старалась предательски подрыться, сверлила себѣ черныя норы, выбирала изѣ подѣ нея землю и густою грязью выбрасывала ее прочѣ внизѣ, разметала щебень вокругѣ, заглянула и промыла каждую трещину—нельзя ли де насквозь просочиться... Внизу камень оказался весь наружу: подпиратѣ... Выбей его прочѣ, и скала рухнетѣ. А камень то въ пескѣ и въ глинѣ держится. И глину разрыхлило. Красными струями застыла, точно скалою раздавило кого, и живая кровь текла внизѣ, змѣясь по отвѣсу. Замѣтилѣ все это Джакомо... Вонѣ тѣ деревья на скалѣ, на самой макушкѣ. Ихѣ вѣдь и видно не было, а теперѣ вершины ихѣ слѣпой не различить!

VI.

Было около десяти утра. Солнце уже жгло. Все въ лѣсу притаилось подъ его пристальнымъ палящимъ окомъ. Накалились скалы. Дудо ружья горѣло, и собака, бѣжавшая за Джакомо, нѣтъ-нѣтъ да и цапъ его зубами за ноги. „Куда-де ты, очнись, въ этакое пекло хорошій хозяинъ и пса не выгонитъ, а ты самъ ша-таешься, оглашенный!“ Мальчикъ смѣялся и забирался все дальше и дальше, какъ вдругъ они оба остановились, точно къ землѣ приросли.

— Что это? Слышишь?

Собака поставила оба уха впередъ и морду вытянула. Хвостъ восклицательнымъ знакомъ. Даже лапу подняла, точно чувствуетъ что-то.

Далеко-далеко будто сухой хворостъ трещитъ.

Громче и громче. Отвѣсы скалъ подхватываютъ и повторяютъ. Въ ущельяхъ гудитъ глухо и зловѣще.

— Стрѣляютъ... Вонъ за той горой... Неужели австрійцы?.. Съ кѣмъ они это?

Грянулъ залпъ, другой... Третій... Въ отвѣтъ посыпались частые, частые выстрѣлы... Обрывки пѣсни... Двѣ, три нотки уловилъ Джакомо, да вѣтромъ отнесло въ сторону... Что это бухнуло? Неужели пушка?.. Не съ моря ли? Нѣтъ, море спокойно. Блещетъ синимъ огнемъ подъ солнцемъ... На самомъ на краю его паруса едва намѣтились... Вонъ изъ-за той горы чуть

дымъ мерещится... Дымъ или пыль... И выстрѣлы отсюда. Подался впередъ Джакомо... Еще,—отсюда виднѣе. На чемъ-то желтомъ солнце блеститъ... По пути сюда красныя точки бѣгутъ. Останавливаются, и при каждой такой остановкѣ слышится сухое, острое щелканье. Точно спѣлые орѣхи колютъ... Красныя точки въ розсыпь... по горѣ и въ гору... Тѣхъ, кто ихъ преслѣдуетъ, не видно вовсе. Они еще далеко. Только нѣтъ-нѣтъ да что-то невидимое ухнетъ въ землю между этими красными точками, и рыжій снопъ пыли взроетъ вверхъ. И сейчасъ же ахаетъ какая-то мѣдная жадная пасть.

— Это нашихъ гонятъ... Наши бѣгутъ.

Джакомо въ городѣ слышалъ уже, что „наши“ красныя рубахи носятъ. Чужаки въ синихъ и бѣлыхъ плащахъ щеголяютъ... Ишь, красныя пятна въ гору, въ гору... „Не туда — не туда!“—оретъ имъ навстрѣчу мальчикъ, не соображая, что имъ-то вѣдь его и не слышать. Собака тоже заливается во-всю. Понять, ничего не понимаетъ, только суетится безъ толку въ сухихъ пряно пахнущихъ кустахъ горныхъ иммортелей. Выскочила оттуда вся въ колючкахъ.

— Не туда, не туда!

Джакомо живо по отвѣсу внизъ... Оборвалъ руки въ кровь, да разсуждать вѣдь некогда. Тѣмъ-то еще хуже приходится... Вонъ два-три красныхъ пятна, точно къ землѣ припали, остальные подошли, скучились вокругъ, должно быть, поднимаютъ убитаго или ране-

наго... А по тому мѣсту, гдѣ собрались они, бухъ да бухъ проклятое мѣдное жерло...

— Не туда... Не туда...

Еще по одному отвѣсу внизъ.

Что-то свистнуло у самага уха Джакомо. Это австрійцы по немъ снизу. Не испугался!.. Думать некогда. Свой въ бѣдѣ. Что-то у самыхъ ногъ въ землю впилося, вспыхнуло горсточкой пыли. Другое рядомъ о камень чмокнуло. Джакомо погрозилъ туда кулакомъ. Его видять красныя рубахи... Прямо къ нему бѣгутъ.

— Не туда... Не туда... Отсюда вамъ не выйти.

— А ты дорогу знаешь?

— Наизустъ, какъ „Отче нашъ“. Я выросъ тутъ.

— Какъ къ тому горному селу пройти?

— Такъ выведу васъ, что австрійцы и слѣдъ потеряютъ. Пусть они по горѣ кружать. Раньше вечера не найдутъ пути.

— У насъ раненые есть. Иначе мы не ушли бы. Надо ихъ спрятать. Вонъ ихъ вождь идетъ...

Джузеппе снялъ шляпу... Пристальные, зоркіе глаза остановились на немъ. Высокій лобъ, густая борода. Вьющіеся волосы назадъ отброшены... Изъ-подъ нависшихъ темныхъ бровей совсѣмъ орлиный взглядъ— только губы улыбаются мягко... Поднял ладонь... Нѣжно положилъ ее на плечо Джакомо.

— Какъ короче пройти вверхъ?

— Вотъ путь... Дождевыми рытвинами. Черезъ часъ будемъ тамъ.

— Ты, вѣрно, очень бѣденъ. Мы тоже. Но подѣлиться съ тобою можемъ...

Джакомо вспыхнулъ, освободился отъ лежавшей на немъ руки и смѣло въ самые орлиные глаза незнакомца кинулъ:

— Я итальянецъ и служу родинѣ не за деньги!..

— Другого отвѣта я и не ждалъ отъ тебя. Всѣ итальянцы теперь братья.

Крѣпко сжалъ руку мальчика...

— Пойдемъ впередъ...

Джакомо вскинулъ ружье на плечо.

— Ты самъ оттуда?

— Да.

— Я остановлюсь у тебя.

— У меня нѣтъ дома. Былъ... Насъ съ бабкой выгнали оттуда.

— За что?

— Спроси ихъ. Говорятъ, она колдунья. А я добрѣе женщины не знаю.

Спутникъ его печально улыбнулся.

— Суевѣріе—наслѣдіе рабства, гнета и невѣжества. Въ свободной и независимой Италіи не станеть ни колдуновъ, ни колдуній, мальчикъ. Ты будешь счастливѣе насъ. Ты увидишь родину и славной, и сильной... А мы!.. Кто знаетъ, въ какомъ рву, можетъ быть,

завтра или через нѣсколько дней тѣ же швабы разстрѣляютъ Джузеппе Гарибальди...

— Гдѣ Гарибальди? — вздрогнулъ Джакомо. — Онъ здѣсь?

— Да.

— Покажи мнѣ его.

— Онъ съ тобою, дитя мое.

Мальчикъ схватилъ руку говорившаго и поднесъ ее къ губамъ.

— Возьми меня съ собою.

— Ты слишкомъ малъ еще.

— Я бью коршуна на лету.

— погоди! Побѣда не скоро дастся поработеннымъ народамъ. Борьба еще и тяжела, и длинна! Много разъ до настоящаго свѣтлаго дня мы будемъ скитаться разбитые, униженные... Узнаемъ горькій хлѣбъ изгнанія, ужасы австрійскихъ тюремъ. Ты вырастешь къ послѣдней роковой битвѣ. Италія или умретъ, или побѣдитъ... Или великая страна, или великая могила. Торжествуетъ только презирающій смерть, помни это, мальчикъ. Для освобожденныхъ народовъ нѣтъ большихъ святыхъ, какъ мѣста, гдѣ страдали, боролись и пали ихъ предки... Мученическая кровь чудотворна, она рождаетъ бойцовъ, и тамъ, гдѣ сегодня швабъ разстрѣливаетъ и вѣшаетъ нашихъ героевъ, завтра благодарный народъ воздвигнетъ имъ памятники. О чемъ ты плачешь, ребенокъ?.. Надъ нами не плачутъ, намъ завидуютъ, дитя! Каждый

умреть, но нужно, чтобы твоя смерть дала счастье родинѣ...

Точно крылья несли вверхъ Джакомо. Онъ пуше всего боялся, чтобы этотъ шедшій съ нимъ большой и сильный человѣкъ не отнялъ у него своей руки...

И когда впереди между отвѣсными скалами горнаго гнѣзда показались лачуги одинокаго села, Джакомо остановился.

— Пойдемъ со мной, я теперь помирю тебя съ ними.

— Нѣтъ!

— Почему?

— Теперь я самъ не хочу туда!.. Они оскорбили святую женщину, мою бабуку... Я могу умереть за нихъ, но не жить съ ними.

Глаза Гарибальди сверкнули.

— У тебя есть характеръ. Ты вырастешь настоящимъ бойцомъ. Прощай, дитя.

Сильныя руки подняли его. Гарибальди поцѣловаль Джакомо.

Долго, сидя на камнѣ, мальчикъ, сквозь слезы, смотрѣлъ, какъ по черной расщелившейся дорогѣ подымались туда красныя рубахи. Крики слышались оттуда. Ребенку почудилось *evviva Italia!*

— Да здравствуетъ Гарибальди!

Кинулъ онъ туда, словно „прощай“.

— Ну, другъ, — обернулся онъ къ собакѣ, — теперь пойдемъ назадъ. Посмотримъ, куда дѣвались швабы...

Послѣднее красное пятно исчезло въ мѣстѣ тѣмныхъ лачугъ.

Тишина кругомъ, только горный ручей гдѣ-то всхлипываетъ въ оврагѣ, да ястребъ жалобно кричитъ надъ зелеными вершинами лѣса...

VII.

Джакомо послѣ всего, что онъ пережилъ при встрѣчѣ съ Гарибальди, не хотѣлъ идти домой.

Вечеромъ, когда солнце утонетъ въ золотомъ океанѣ заката, мальчика загонитъ въ лѣсъ голодь. Тогда онъ расскажетъ своей старухѣ, что съ нимъ случилось сегодня. А пока онъ пойдетъ туда, откуда увидѣлъ Гарибальди и его красныя рубахи. Народнаго вождя ужъ знали здѣсь. Подъ его знамя собирались всѣ, кто не мирился съ австрійскимъ гнетомъ, кто задыхался подъ тяжелою пятою римскаго первосвященника. Въ этомъ богатырѣ теплились надежды всѣхъ, вѣрившихъ въ единую, свободную и нераздѣльную Италію. Въ дымныхъ лачугахъ Пьемонта, въ башенныхъ селахъ старой Тосканы, въ захолустьяхъ залитой солнцемъ и заласканной моремъ Лигурии, въ Неаполѣ, въ Сициліи,—всюду, гдѣ звучалъ благородный языкъ Данте, пѣлись о молодомъ генуэзцѣ вдохновенныя канцоны,—

сказывались о недавнихъ подвигахъ его отряда былины. Еще онъ и въ исторію не перешель, а ужъ вокругъ него рождались легенды, и яркая сказка о немъ окрашивала чудесными цвѣтами и безъ того прекрасную дѣйствительность. До него работаль Маццини, писали великолѣпныя поэмы Альфіери, Уго-Фоскопи, Николини, Леопарди,—но все это, какъ магнитная стрѣлка въ компасѣ, направлялось къ одному этому гигантскому образу народнаго героя. Пѣсни о немъ звучали въ душныхъ тюрьмахъ Сантъ-Эльмо и св. Ангела, въ австрійскихъ казематахъ, и часто суровые сторожа въ полголоса продолжали строфы, начатыя узниками. Заря молодой Италіи сквозь мракъ нависшихъ тучъ прорывалась такимъ чудотворнымъ огнемъ, что ранніе маяки освѣщенныхъ ею вершинъ будили самыя мирныя и глухія долины. Озлившись напоследокъ, австрійцы рѣками лили итальянскую кровь, разстрѣливали дѣтей (въ Веронѣ), втихомолку давили патриотовъ въ Триестѣ, забивали въ острогахъ Эссека и Эйзенерца схваченную молодежь; но утренній свѣтъ уже осиливалъ еще вчера казавшіяся вѣчными потемки долгой ночи...

Джакомо побѣжалъ туда, откуда далеко внизу видна была дорога и море. Берега синими воздушными рукавами обнимали отсюда спокойный заливъ. Въ ихъ складкахъ мерещились бѣлыя села, сады, и точками казались одинокія виллы. Мальчикъ легъ на обрывъ надъ страшнымъ отвѣсомъ. Подъ нимъ едва замѣтный дымокъ подымался; вокругъ дымка что-то точно пол-

зало. Онъ угадалъ австрійскихъ солдатъ. Они, какъ муравьи, суетились вокругъ костра. Джакомо взялъ камень, швырнулъ въ бездну—даже не видно, куда онъ попалъ. Точно камня и не было. По спокойной глади моря рябь пошла, должно быть, вѣтромъ потянуло съ запада. Все заискрилось. Какъ хорошо! Это море—будто открытая во всѣ стороны дорога. Куда хочешь, нигдѣ тебѣ не заказано, и тянетъ-тянетъ въ счастливую даль. Вѣдь всякая даль кажется счастливой. Мальчикъ морякомъ будетъ. Гарибальди на землѣ, а онъ на водахъ. Въ Адриатикѣ, сказываютъ, у австрійцевъ свои военныя суда. Заходятъ и сюда они. Давнымъ-давно, помнитъ онъ, одно такое кидало ядра и бомбы въ мирный городъ. Испуганные люди оттуда бѣжали въ горы. Всѣ склоны и дороги были усыяны ими. Джакомо въ море уйдетъ и тамъ начнетъ ловить австрійскія суда, чтобы тѣ не запирали Италіи путей во весь этотъ такой прекрасный и солнечный Божій міръ. Нѣтъ, впрочемъ, лучше убѣждать къ Гарибальди и съ нимъ драться, нести знамя, какъ тотъ вонъ, который шелъ за вождемъ. Гдѣ всего опаснѣе, туда и Джакомо со знаменемъ, а вѣдь куда знамя, за нимъ и весь отрядъ. Какъ онъ сказалъ? Единая, свободная, нераздѣльная. Что значитъ единая? Развѣ она не одна на землѣ? Нѣтъ! Вспомнилъ,—ее вѣдь подѣлили между собою разные дуки и короли. Одинъ сидитъ въ Тосканѣ, другой въ Неаполѣ, третій въ Пармѣ, четвертый въ Моденѣ, пятый въ Луккѣ... Сколько ихъ, въ

самомъ дѣлѣ! А Австрія сверху, изъ Ломбардіи и Венеціи, далеко протянула хищныя лапы—въ самое сердце его родины... Эти дуки такъ разобщили Италію, что недавно только Джакомо узналъ: вѣдь и флорентинець и генуэзецъ—сродни ему. Вверху многіе думаютъ, что въ Пьемонтѣ и въ Сициліи форестьеры. А какіе же они форестьеры, если въ отрядѣ у Гарибальди дерутся рядомъ съ римлянами и венеціанцами.

Что это?

Муравьи внизу уже оставили костеръ. Вытянулись по дорогѣ не назадъ, а впередъ. Значить, они тоже хотятъ на эту высоту, и усталому молодому вождю придется бросить своихъ раненыхъ и съ уцѣлѣвшими бѣжать дальше. Надо сейчасъ, сію минуту, предупредить его... Раненыхъ? Джакомо помнитъ ихъ. Ни одинъ не выдалъ своей муки. Кому невоготу было, тотъ сжалъ вѣки и зубы, и молча переживалъ свою муку. Другіе смотрѣли гордо и смѣло. Джакомо разъ подшибъ орла въ горахъ. Изъ праща подъ крыло ему попалъ... Не могла уже летать громадная птица. Однимъ крыломъ машеть, а другое, какъ раскрытый вѣеръ, по землѣ шуршитъ, и изъ-подъ него алая струйка крови... Подбѣжалъ мальчикъ, а царственный хищникъ и зло, и гордо, и смѣло смотритъ на него, и ни искры страха въ желтыхъ сверкающихъ глазахъ, только еще властнѣе разгораются они на послѣдокъ... Хоть бы голову отвелъ; нѣтъ, грозитъ, развѣваетъ клювъ и когти расправляеть. Вѣдь весь въ рукахъ у человѣка,

а ни за что покориться силѣ не хочетъ... Точно не его ухлопали, а онъ тебя побѣдилъ, и ты долженъ у него просить пощады...

Медленно, медленно идутъ австрійцы...

Звѣриныхъ тропокъ не знаютъ, прямыми и короткими путями не дойдутъ, но къ ночи будутъ наверху... Непремѣнно будутъ... Надо скорѣе, скорѣе, предупредить тамъ... Еще разъ увидѣтъ грозный открытый взглядъ и мягкую нѣжную улыбку народнаго вождя. Джакомо подбѣжитъ и издали крикнетъ. Онъ не хочетъ входить туда, откуда его разъ навсегда выгнали. И въ послѣдствіи, когда о немъ будутъ и пѣсни пѣть, и рассказывать, какъ теперь о Гарибальди, онъ ни за что, ни за что не взглянетъ даже на родное горное гнѣздо. Крикнетъ: пусть къ нему пошлютъ узнать, въ чемъ дѣло. Гарибальди имъ скажетъ про него, и они придутъ къ старой бабкѣ, вернись-де. Онъ, онъ— Джакомо не позволитъ ей вернуться, ни за что не позволитъ.

Мысли, какъ искры надъ полемемъ, вспыхиваютъ у него въ головѣ и тухнуть однѣ за другими. Время дорого, и ноги бѣгомъ несутъ его назадъ, назадъ скорѣе, камни изъ-подъ него во всѣ стороны. Самъ, не соображая, хватается за стебли и корни, на вѣсу ползетъ съ уступа на уступъ. Собака за нимъ на всѣ четыре стороны, оретъ, понять ничего не можетъ... Разъ забѣжала впередъ, Джакомо впопыхахъ, вмѣсто вѣтви, за ея хвостъ схватился, и оба пріятеля, одинъ

смѣясь, другой визжа, покатились было внизъ. Сталь на ноги Джакомо, а песь уже позади держится: „нѣтъ, братъ, врешь, впередъ не надуешь, мнѣ хвостъ для выраженія благородныхъ чувствъ данъ, а вовсе не для того, чтобы за него всякій со слѣпу цапался. Этакъ на васъ и хвостовъ не напасешься“. Бѣжалъ, бѣжалъ въ гору Джакомо и вдругъ остановился.

Какъ это ему раньше въ голову не приходило!

Вѣдь вонъ онъ, утесъ...

Впередъ наклонился... Если ненарокомъ упадетъ, прямо поперекъ той дороги,—иного ему и пути нѣтъ. Австрійцамъ тогда ни шагу впередъ. Кругомъ отвѣсы. Да и по кручамъ куда имъ, тяжелымъ „кротамъ“ *), всползти, а и сами бы смогли, — орудій не бросятъ. Они безъ этихъ мѣдныхъ пастей, что свинцовымъ дождемъ и ядрами плюются, никуда ни шагу!

Утесъ весь на свѣту... Громадный и черный, расщелившийся... Подрыться... У самой ножки его внизу дожди подмыли землю... Если бы удалось шевельнуть камень, что подпираетъ устой, разомъ рухнула бы каменная дылда. Небо кругомъ сегодня синее, безоблачное. Глубина какая! Въ ней точкою птица меледится... Не сообразишь, надъ землей она или надъ моремъ. Скала въ этой лазури еще безобразнѣе кажется. Живо сползъ къ ней Джакомо, забѣжалъ внизъ:

*) Кроаты—такъ итальянцы звали славянъ, которыхъ Австрія посылала драться въ Италію.

вотъ они—бороздки, прорытыя водою, ишь, какъ она сверлила здѣсь красную глину! Кажется, хорошенько упрись, поддается камень. Со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ его, дуломъ ружья внизу пощупаль, уходитъ оно въ мякоть. Нѣсколько щепня покатилося внизъ. Шурша сползаетъ земля! какой-то слѣпившійся комъ кувырнулся, и тяжело и неуклюже внизу шлепнулся на дорогу. Также и съ утесомъ будетъ...

Сбросилъ шапку Джакомо, проворно заработали почернѣвшія на солнцѣ руки. Весь въ поту, со всѣхъ сторонъ выгребаетъ изъ-подъ камня глину. Вязкая—сверху, внизу — точно камень. Царапался, царапался мальчикъ. Нѣтъ, такъ ничего не сдѣлаешь. Не поддается, да и только. Глядя на него, и песь пустилъ въ дѣло мохнатая лапы, ворчитъ, какъ въ лѣсу, когда изъ норы крота добываетъ. Летятъ во всѣ стороны комья... Да такъ и въ недѣлю дѣла не сдѣлаешь... Змеей подъ скалу Джакомо, вотъ она, кремнистая ножка. Издали казалось, колышется, а онъ всѣмъ тѣломъ упирается въ нее, со злости прикладомъ бьетъ, реветъ отъ досады... Ни съ мѣста, проклятая! Сѣлъ около, заплакалъ, швырнулъ чѣмъ-то въ дылду. Что ее! Развѣ она чувствуетъ. Птица сорвалась съ дерева, выросшаго на верхушкѣ чертова утеса. Крикнула что-то, сдѣлала кругъ и опять усѣлась туда: убѣдилась,— все благополучно. Руки болятъ. Джакомо посмотрѣлъ,— до ссадинъ. Кровь проступила. А австрійцы вѣдь идутъ и идутъ. Отсюда не видно ихъ, далеко внизу они за-

сѣли за петли, которыя дѣлають дороги въ гору... Часа черезъ полтора покажутся вонъ на томъ обрывкѣ пути, что замѣтенъ отсюда. Еще попробовать... Можетъ быть снизу можно...

Ободранными руками уцѣпился Джакомо за рубчикъ подпиравшаго утесъ камня. Повисъ надъ бездной... Болятъ ладони, пальцы ноютъ. Некогда думать объ этомъ... Скорѣе, скорѣе. Руки передвигаются... На вѣсу перебрался на ту сторону и упаль, едва дыша, на нагрѣтую солнцемъ площадку.

Ничего ему одному не сдѣлать... Надо бѣжать вверхъ, звать оттуда красныя рубахи. Грудь едва дышетъ, усталъ. Зеленая, съ красными рубиновыми глазами ящерица скользнула по утесу, пропала въ какой-то щели, только хвостъ ея шевелится. Другая подъ утесъ впилась и исчезла тамъ. Значить, есть все-таки скважина? Если выстрѣлить туда?... Пошелъ за ружьемъ, отыскалъ мѣсто, куда ящерица спряталась. Спустилъ курокъ. Выстрѣлъ грянулъ. Дымокъ по скалѣ поползъ. Порохомъ запахло, а скала стоитъ проклятая и ухомъ не ведеть. Только песь съ дуру лаеть на нее. „Чего ты торчишь?.. Зайцы падаютъ отъ такой штуки, а тебѣ ничего! Хлопнуло, и должна ты всѣми четырьмя лапами вверхъ!“

Вскочилъ Джакомо... Побѣжалъ прямо къ горному селу.

Некогда—некогда, пока тѣ сверху прибѣгутъ сюда!.. А австрийцы, вѣдь, идутъ и идутъ и желтыя мѣдныя

пасти везуть съ собою. Тамъ, у костра, сварили что-то, сыты. До вечера и такъ обойдутся, значить. Джакомо ужъ и задыхаться началъ. Кажется, къ горамъ привыкъ. И любого козленка бы пересилилъ на этихъ скатахъ и кручахъ, а тутъ такъ усталъ! Нѣтъ-нѣтъ и останавливается. Сердце точно всю грудную клѣтку наполняетъ — вотъ-вотъ разорветъ ее и само разорвется. Нѣсколько разъ даже ноги измѣнили. Подкашиваются, въ колѣняхъ острая боль. Джакомо и не замѣтилъ, что ихъ до крови растеръ сегодня!

Некогда! Надо скорѣй, скорѣй... Солнце спину жарить. Никогда онъ не чувствовалъ такой жары! Точно чья-то раскаленная ладонь ложится на его шею. Въ сторонѣ булькаетъ горный ручей. Припаль къ нему — студеная вода остро, точно сама, влилась въ него. Облилъ себѣ голову, спину, пусть мокнетъ куртка, сейчасъ вѣдь все равно ее высушить, и опять вверхъ и вверхъ...

Горная деревня близка уже.

Ея утесы точно сбѣгаютъ къ нему.

Въ глазахъ у Джакомо красное то приступитъ, то исчезнетъ, то распадется золотыми кругами. Вотъ устье нижней улицы видно... Тамъ дѣтвора, кричитъ ей что-то Джакомо... И самъ не можетъ сообразить что...

— Уходи, уходи прочь...—отвѣчаютъ ему.

— Вѣдьминъ сынъ!

— Мы тебя встрѣтимъ, подайся-ка еще.

Но Джакомо не до нихъ.

Прямикомъ лѣзетъ.

— Мы тебѣ шерсть расчешемъ.

Ихъ нѣсколько, — онъ одинъ. Они и храбрятся поэтому.

Бывшій хозяинъ сбѣжавшей къ Джакомо собаки увидѣлъ ее. Зло его разобрало. Схватилъ камень и швырнулъ...

Точно что-то подкосило Джакомб.

Съ неба что ли его въ голову ударило. Раскинулъ руки и пластомъ оземь. А изъ разсѣченнаго лба кровь струится... Еще посыпались камни сверху.

— Какъ вамъ не стыдно!.. Негодяи...

— Это, вѣдьминъ сынъ... Его деревня выгнала. Ему нельзя къ намъ.

— Да, но онъ привелъ насъ сюда!

Одинъ изъ гарибальдійцевъ видѣлъ все, что случилось. Въ послѣднихъ проблескахъ сознанія Джакомо различилъ надъ собою красную рубаху. Сильныя руки подняли его и понесли вверх...

VIII.

— Этакіе звѣри!..

Смущенные люди толпились вокругъ. Одна изъ красныхъ рубахъ подошла. Бывшій врачъ ощупалъ ему лобъ...

— Ничего серьезнаго. Сейчасъ очнется.

Обмыль ему рану. Холодная вода, освѣжая, поползла по разгоряченному тѣлу. Джакомо открыль глаза. Оглянулся...

— Это пройдетъ,— успокаивали его окружающіе.

Онъ приподнялся на локтяхъ. Узналь своихъ.

Попробоваль встать... Зашатался было, но удержался на ногахъ.

— Пить хочу.

Откуда-то вино нашлось. Сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, легче дышется. Вздохнулъ глубоко.

— Садись, садись.

— Некогда... Гдѣ Гарибальди?

— Зачѣмъ онъ тебѣ?

— Тамъ, внизу, австрійцы. Къ вечеру будутъ здѣсь.

И опять закружило голову. Невольно сѣлъ.

Красная рубаха исчезла.

Джакомо одинъ теперь между своими.

Они не рѣшаются смотрѣть на него. Глаза отводятъ въ стороны.

— Гдѣ австрійцы?—робко спрашиваетъ одинъ.

Джакомо ни слова...

— Хочешь, мы за твоей бабкой пошлемъ?

Онъ даже зажмурился, чтобы не слышать ихъ. Силы возвращались къ нему. Только сердце слишкомъ медленно бьется пока, и каждый ударъ больно.

— Извѣстно, дѣти глупы,—оправдывается кто-то...
Этотъ Бепи, который...

— Я самъ съ нимъ справлюсь...

Опять глубоко вздохнулъ. Всталъ и вышелъ изъ потемокъ каменнаго логовища на улицу.

— Э, да ты, другъ, уже на ногахъ!

Нѣсколько красныхъ рубахъ. Впереди Гарибальди, улыбаясь, протягиваетъ ему руку.

— Мы не успѣли еще и поблагодарить тебя... Несчастные, невѣжественные звѣри, — обернулся онъ къ мужикамъ, — за что это вы его?

— Не мы... Это Бепи... Мы не въ отвѣтъ, насъ тамъ и не было.

— Онъ насъ провель сюда. Хорошо вы поблагодарили его!

— Что жъ мы?.. Мы ничего...

— Все у васъ отъ рабства, отъ безграмотности И въ чорта и въ вѣдьму вѣрите... Развѣ и безъ этого зла въ мѣрѣ мало?.. Враговъ у васъ нѣтъ, что ли, настоящихъ?

Тѣ пятятся, выдержать не могутъ гнѣвныхъ глазъ.

— Ну, Джакомо, ты ко мнѣ бѣжалъ?

— Да...

— Въ чемъ дѣло?

— Австрійцы идутъ снизу... Къ вечеру здѣсь будутъ... И пушки съ ними.

— Придется уходить опять... Раненыхъ нести тяжело!..—въ раздумѣ проговорилъ онъ.

— Уходить не надо.

— Почему?

— Тамъ внизу есть чортовъ камень... Такъ его называютъ у насъ... Онъ едва держится.

— Мы видѣли, проходя.

— Дожди его подмыли... Онъ ужъ наклонился. Если его сбросить, отъ дороги и хвоста не останется...

— Ну, ну?

— Я пробоваль... Изорваль себѣ руки. Одинъ не могу. Силы мало.

Гарибальди взялъ его ладони, посмотрѣлъ!.. Показалъ головою.

— Видѣли?—показаль онъ ихъ окружающимъ.

Тѣ невольно опустили головы.

— Ты великодушный и смѣлый мальчикъ... Дѣйствительно, если скала упадетъ на дорогу, на такомъ пространствѣ испортить ее и загородить, что швабамъ не подняться сюда, уйдутъ поневолѣ. Сообразять, что и мы ихъ долго ждать не станемъ... Только твоихъ силъ на это нехватить, да и однѣми руками тутъ ничего не сдѣлаешь...

— Тамъ скважины есть и трещины.

— Да?

— Вода ихъ размыла, подъ самую скалу идутъ. Одна точно нора глубокая. Я туда руку всовываль, нехватило руки.

— Вотъ, вотъ. Именно то, что намъ и надо. Ну спасибо, Джакомо! Ты еще разъ выручаешь насъ!.. Мы сейчасъ пойдемъ туда.

— И я съ вами!

— Отдохни, отлежись.

— Нѣтъ, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не здѣсь,— оглянулся онъ на своихъ. Да — я теперь опять и здоровъ, и силенъ. Могу идти...

— Эй, Франческо! — крикнулъ Гарибальди, возьми съ собою мѣшокъ пороху и навосченного шнура побольше.

IX.

— Вотъ я тутъ рылся..— показывалъ Джакомо.

— Да, да, вижу...

— А вотъ трещины, про которыя говорилъ я. Видите, какъ эта расщелилась?

— А нора гдѣ?

— Ея такъ не увидишь... Вонъ съ того рубчика видна.

— Да какъ же до нея добраться?

— На рукахъ надо... Я на одной держался, а другой пробовалъ.

— Ну, это только ты да муха могутъ...

— Тутъ и еще есть скважины... Видите, какъ идутъ глубоко...

Красныя рубахи облѣпили скалу, высматриваютъ... Далеко, далеко внизу ужъ видны австрійцы. Выступили на тотъ клочекъ дороги, что виденъ отсюда...

Зигзагами она, враги еще на одномъ изъ нижнихъ поворотовъ. Пересчитать можно, передніе пропадаютъ за изгибомъ, тѣ, что позади, выступаютъ на площадку. Какъ ярко блеснула мѣдь орудія!.. Еще...

— Не хватаютъ наши ружья туда.

— Разстояніе еще слишкомъ велико.

— Есть!—крикнулъ одинъ изъ-за скалы.

— Въ чемъ дѣло?—подошелъ къ нему вождь,

— Мальчикъ правъ, трещина прошла глубоко и внутри расширяется. Этотъ камень легко сорвать, а взлетитъ онъ, и скала рухнетъ... Туда, куда она наклонилась. Всю дорогу займетъ. Даже, если она снесетъ дорогу, по ней не пройти. И все равно никуда ей не упасть иначе, какъ на вторую петлю дороги. Нѣтъ ей другого пути.

Джакомо съ бьющимся радостно сердцемъ смотрѣлъ, какъ какую-то длинную набитую порохомъ кишку забивали подъ скалу, въ камень, ее подпиравшій, какъ перетянули ее навосченной веревкой, какъ по другимъ мѣстамъ трещины и скважины наполнили тоже порохомъ, посыпавъ отъ нихъ дорожки къ главной минѣ. Часъ работали, пока было готово, и за этотъ часъ австрійцы ужъ подались впередъ и показали на слѣдующей петлѣ...

— Тутъ уже можно было бы и ихъ встрѣтить.

— Подождемъ, когда выше еще заберутся. Тогда!

— Готово!—послышалось изъ-за скалы.

Гарибальди пошелъ самъ туда. Осмотрѣлъ.

— Ну, Джакомо, великое тебѣ спасибо, если удастся. А нѣтъ, придется уходить отсюда!.. И раненыхъ по этимъ горамъ нести... Оставить нельзя, австрійцы ихъ разстрѣляютъ! Не знаютъ пощады!.. Помни это, мальчикъ, когда настанетъ и твой чередъ бороться съ ними!..

Навосченная и натертая порохомъ веревка вытянулась длинною змѣей и развертывалась все дальше и дальше. Люди отходили отъ скалы вмѣстѣ съ этою веревкой. Джакомо казалось, конца ей не будетъ. Позади были еще утесы. Люди зашли за нихъ. Спрятались.

— Пора!

— Съ Богомъ!

Красная рубаха наклонилась, высѣкла огонь на труть, нашла сухую былинку. Былинка вспыхнула яркимъ полымемъ. Полымя жадно припало къ веревкѣ Побѣжало дальше, оставляя за собою длинный змѣистый черный слѣдъ. Джакомо поддался было впередъ, но кто то схватилъ его за плечи и отбросилъ назадъ за камни. Во-время! Казалось, тутъ, сейчасъ вотъ у самага камня, за которымъ онъ прятался, земля треснула пополамъ, до самыхъ нѣдръ раскололась. Еще ни разу, какія здѣсь грозы бывали, а мальчику не приходилось слышать такихъ громовыхъ ударовъ. Какъ онъ устоялъ на ногахъ, и самъ понять не можетъ! Все подъ нимъ дрогнуло, будто кто-то хотѣлъ изподъ него выдернуть этотъ выступъ глинистой почвы.

Изъ-за камня поднялся столбъ черного дыма осыпью мелкаго щебня, обдалъ все кругомъ... Выскочилъ Джакомо, тотъ же черный дымъ стелется тучей. Запахъ пороху разъѣдаетъ легкія. Чихать хочется. Садится внутри... Мало-по-малу туча рѣдѣтъ... Изъ-за нея едва, едва блеснуло море, показалась даль... Точно сквозь темную завѣсу сначала. Но гдѣ же скала?.. Неужели, вся, какъ стояла, такъ и рухнула? Послѣдній клочекъ дыму стелется по вѣтру въ сторону. Внизу еще курится что-то... Тлѣютъ остатки веревки... Шуршатъ не встрѣтившіе въ своемъ паденіи никакого препятствія камни, осыпается мягкая глина, а утеса нѣтъ, какъ нѣтъ. Точно и никогда не было его здѣсь... Всѣ бѣгутъ туда, смотря за отвѣсъ... Чудовищная глыба легла дѣйствительно поперекъ дороги тамъ, да такъ, что по ней никому не перебраться съ одной стороны на другую... А дальше, гдѣ дорога вся на вѣсу держалась на искусственной стѣнѣ, та отъ удара поддалась, сдвинулась и разсѣлась...

— Ну, Джакомо, большое тебѣ спасибо... Во мнѣ вся Италія кланяется тебѣ, смѣлый мальчикъ...

Маленькая рука его исчезаетъ въ рукъ у Гарибальди.

Джакомо опять чувствуетъ на своемъ лицѣ поцѣлуй великаго вождя...

— Сегодня, если врагъ подойдетъ сюда, мы ему устроимъ такую встрѣчу, какой онъ никогда не забудетъ. Здѣсь мы можемъ отбиться отъ цѣлой арміи...

А не то, что отъ какого-нибудь батальона. И пушки свои бросить.

— Я буду съ вами!

— Пожалуй, не могу отказать тебѣ... Ты заслужилъ право драться за родину. Въ мальчикѣ ужъ душа бойца!

Онъ нарочно заговорилъ громче, чтобы крестьяне слышали его.

— Сегодня, отбивъ врага, я буду ночевать у твоей бабки, если мы не стѣснимъ ея... Ты мнѣ дашь уголь и кучу хвороста? Я привыкъ спать на немъ.

— О!—только и могъ проговорить Джакомо.

Восторгъ охватилъ его головокружительнымъ вихремъ.

— Надѣюсь, что послѣ этого ни одинъ итальянецъ не посмѣетъ назвать твою бѣдную старуху колдуньей... Кто захочетъ меня видѣть, тотъ придетъ туда!...

Книгоиздательство Е. Ж. Тихомировой.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

ОПОЧИНИНЪ, Е. Сказъ про птичьего ловца Никитку.

Изъ эпохи Голландскаго посольства къ Московскому царю въ 1676 году. Съ рисунками художника А. Θ. Андропова и съ обложкой работы художника В. И. Комарова. Ц. 1 руб. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ безплатныя народ. читальни и библиотеки. (Отнош. № 6387, отъ 30 мая 1906 г.). Циркуляромъ по военно-учебнымъ завед., отъ 21 января 1907 г. № 3, книга **рекомендована** для чтенія кадетамъ III—V классовъ.

— **Въ прошеныя дни.** Разсказъ. Ц. 5 к.

— **Бѣднячѣкъ.** Разсказъ. Ц. 5 к.

— **Свѣтлая утренья голодныхъ.** Эпизодъ. Ц. 10 к.

— **Далекое.** Разсказъ. Ц. 10 к.

— **Изъ разсказовъ охотника.** Выпускъ 1-й. Ц. 15 к.

Изъ разсказовъ охотника. Выпускъ II-й. Ц. 10 к.

— **Зимній баринъ** и другіе разсказы. Ц. 15 коп. 2-ое изд. О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученическія библиотеки низш. учебн. заведеній (Отн. № 43433, отъ 21 сентября 1915 г.).

ОСТРОВСКІЙ, В., д-ръ. Краткій очеркъ строенія чело-
вѣческаго тѣла. Съ рис. Ц. 25 к.

ОСТРОГОРСКІЙ, В. П. Наталья Борисовна Долгорукая.
Разсказъ. Ц. 6 к.

ПЕТРОВЪ, Г. С. Днѣпровскій американецъ. Съ рис.
Ц. 7 к.

ПИРИ, РОБЕРТЪ. Открытіе сѣвернаго полюса. Пер. съ
англ. А. Д. Дмитріева. Со мног. рис. Ц. 50 к.

ПОГОДИНЪ, А. Волшебный міръ. Ц. 20 к.

- НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Въ Манчжуріи.** Картинки и сценки изъ войны съ Японіей. Съ рис. Ц. 20 к.
- **Одѣтая статуя.** Очеркъ. Ц. 10 к.
- **Воскресшая пѣсня.** Очеркъ изъ калабрійскаго преданія. Ц. 10 к.
- **Мертвая бухта.** Разсказъ. Ц. 5 к.
- **Богъ проститъ.** Разсказъ. Ц. 15 к.
- **Святой отецъ.** Разсказъ. Ц. 10 к.
- **Дѣти конунга.** Разсказъ. Ц. 10 к.
- **Наша сестра.** Разсказъ. Ц. 10 к.
- **Гнѣвъ Аллаха.** Разсказъ. Ц. 5 к.
- **Счастье.** Разсказъ. Ц. 20 к.
- **Затерянные въ океанѣ.** Разсказъ. Ц. 10 к.
- **Змѣиный дѣдъ.** Разсказъ. Ц. 10 к.
- **Нищій-правитель.** Разсказъ изъ мароккскихъ впечатлѣній. Ц. 10 к.
- **Герой.** Разсказъ. Ц. 15 к.
- **Телушка.** Разсказъ изъ военныхъ воспоминаній. Ц. 5 к.
- **Черный графъ.** Очеркъ. Ц. 12 к.
- **Другъ.** Разсказъ. Ц. 7 к.
- **Мірская печальница.** Разсказъ. Ц. 10 к.
- **Забытый маякъ.** Разсказъ. Ц. 5 к.
- **Страшные люди.** Ц. 10 к.
- **Призракъ закиносскихъ ночей.** Ц. 10 к.
- **Крѣпостной геній.** Ц. 5 к.
- **Засыпанный колодецъ.** Ц. 5 к.
- **Цвѣты зла.** Ц. 5 к.
- **Матросы св. Константина.** Ц. 10 к.
- **Ночные огни.** Ц. 10 к.
- **Полвѣка назадъ.** Ц. 8 к.

О. О. У. К. М. Н. П. допущены въ учебнич. библ. низш. учебн. завед. (Отнош. № 34927, отъ 13 дек. 1910 г.).

Подробный каталогъ книгоиздательства высылается
бесплатно.

НЕМИРОВОИЧЪ - ДАНЧЕНКО, Вас. Ив. Соловьиный гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. Съ рис. **К. Чичагова.** 7-е изданіе. Ц. 50 к.

О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ бесплатныя народныя читальни и библиот., въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго и средняго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній

— **Что было и что есть.** Изданіе 4-е. Ц. 25 к.

У. К. М. Н. П. книга **одобрена** для учен. младш. возр. библиотекъ средн. учебн. и низшихъ учебн. заведеній и **допущена** въ бесплатн. читальни.

— **Оедька рудокопъ.** Повѣсть. Съ рисунками художника **К. Чичагова.** 7-е изданіе Ц. 50 к.

У. К. М. Н. П. книга **допущена** въ ученич. младш. возр. библиотеки, средн. и низш. учебн. заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— **Мысейкина хурда-мурда.** Повѣсть изъ послѣдней Русско-турецкой войны. Съ рис. **К. Чичагова** 6-е изданіе. Ц. 70 к.

У. К. М. Н. П. книга **одобрена** для ученич. младш. возраста библиотекъ средн. и низш. учебн. завед. и **допущена** въ безпл. читальни. Гл. Упр. В.-Уч. завед. книга **рекомендована** для пріобрѣтенія въ библ. кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I, II, III, IV, V классовъ.

— **Самъ себѣ помогай.** Повѣсть. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— **Кавказскіе богатыри** Томъ I. Ц. 60 коп. Тоже Томъ II. Ц. 40 коп. Тоже. Томъ III. Побѣда. Ц. 50 к. 2-е изданіе.

У. К. М. Н. П. всѣ три книги **допущены** въ ученич. старш. и средн. возраста библиотеки ср. учебн. завед. и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— **Подъ небомъ Африки.** Воспоминанія о посѣщеніи садовъ Гесперидъ. Съ рис. 2-е изданіе. Ц. 60 к.

У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученическія библиотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— **Призывные огни.** Сборникъ стихотвореній для юношества. Ц. 40 к.

О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ ученич. библ. гор. и 2-хкл. сельск. учил. и въ безпл. нар. библ. и чит.

— **Береговые пираты.** Со мног. рис. Ц. 40 коп.

О. О. У. К. М. Н. П. **допущена** въ учен. библ. гор. учил. и 2-хкл. сельск. учил. въ безпл. народ. чит. и библ.

— **Мученики Шипеи.** Ц. 50 коп.

— **Послѣдніе богатыри.** Ц. 50 коп.

— **Въ Манчжуріи.** Картинки и сценки изъ войны съ Японіей. Съ рисунками Ц. 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки высшихъ начальныхъ училищъ.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько **бесплатныхъ приложений**

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе»)

безъ «Педаг. Листка»:

Безъ доставки на годъ . . .	4 р.	50
Съ достав. и пересылк. на годъ . . .	5 »	—
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года . . .	3 »	50
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года . . .	3 »	75
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года . . .	2 »	25
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . .	2 »	50
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года . . .	1 »	15
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . .	1 »	25

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе»)

съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ . . .	5 р.	—
Съ достав. и перес. на годъ . . .	6 »	—
Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года . . .	3 »	75
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года . . .	4 »	50
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года . . .	2 »	50
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . .	3 »	—
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года . . .	1 »	25
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . .	1 »	50

Подписная цѣна на «Педагогическій Листокъ» (безъ «ЮНОЙ РОССИИ») **ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.**

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 р.
За перемѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., $\frac{1}{2}$ стран.—20 руб.

Редакторъ-Издательница *Е. Н. Тихомирова.*

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 18—Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Е. Н. Тихомировой высылается бесплатно.